

Е.Л. Черткова

Истина как этическая проблема эпистемологии

Проблема истины рассматривается в контексте современной эпистемологии как философского осмысления науки. Показаны точки пересечения эпистемологии и этики на примере соотношения понятий истины и совести, долга и ответственности.

Ключевые слова: эпистемология, релятивизм, этика, наука, истина, долг, совесть

Основные проблемы и пути развития эпистемологии как философского учения о знании, в том числе и о науке, во многом определяются теми существенными разнонаправленными и противоречивыми изменениями, какие происходят с наукой во всех её ипостасях – как социальном институте, познавательной деятельности и феномене культуры. Наряду с теми проблемами, которые бурно входят в эпистемологию из конкретных наук, прежде всего из психологии и когнитивных исследований, важно отметить и другие, возникающие в связи с новой ситуацией, сложившейся для науки в современном обществе. Развитие общества все больше зависит от науки, но верно и обратное – развитие науки все больше обусловлено потребностями и возможностями общества. Теперь траектория развития научного знания существенно определяется не столько внутренней логикой «предположений и опровержений», или выявления новых проблем, возникающих в результате решения предыдущих, сколько потребностями общества, и прежде всего соображениями политического, военного или социально-экономического характера. И если первую половину XX в. еще можно называть «веком науки», то со второй его половины уместнее будет

говорить о веке политики, под прямым воздействием которой стала развиваться наука. Несмотря на провозглашение наступающего «общества знания» пока можно говорить лишь об «обществе политики, оснащенной достижениями науки». Но когда политика начинает определять пути развития науки, ученые невольно становятся или заложниками, или сподвижниками определенных политических (и военных) сил и целей. В этих условиях сохранение духа и предназначения науки как теоретического, познавательного отношения к миру требует усиления её критико-рефлексивного осмысления, что и составляет ядро философского и эпистемологического подхода к науке. Проблематизация науки, рациональности, истины, объективности и других базисных категорий эпистемологии связана как с интерпретацией происходящих в современном знании изменений, так и с дефицитом рациональности и истинности в окружающей нас социальной реальности. Это также требует от философии нового осмысления места науки в культуре и жизни общества, а также цели и смысла научной деятельности. Эпистемология уже не может ограничиваться исследованиями логики и методологии науки и критической рефлексии над основаниями теоретической деятельности. Для понимания особенностей современного познания требуется учитывать и способы взаимодействия науки и культуры, участие науки в создании культурных смыслов и ценностей. Являясь частью философии, эпистемология встраивает науку как особый тип теоретического отношения к действительности в общую систему культуры с позиции достигнутого в данное время целостного мировоззрения.

Парадоксальность современной ситуации в осмыслении науки состоит прежде всего в том, что на фоне обсуждений «общества знания», «экономики знания», признающих за наукой социальную, экономическую и политическую силу, происходит усиление критики науки, и в первую очередь именно её познавательных притязаний. Известный лозунг «Знание-сила» теперь воспринимается только как «сила-знание», где ключевым становится именно сила, т. е. власть. Более того, отказ от познавательной доминанты исходит уже не только от политиков как потребителей научных достижений, но и от эпистемологов, и, что особенно прискорбно, от самих ученых, исследователей. Даже собственно научное познание, т. е. фундаментальные исследования, осуществляемые внутри

науки, все больше осознаются некоторыми учеными не столько как реализация познавательного интереса и стремления к истине, сколько как профессия, дающая средства к существованию, где не истина, а успех и связанные с ним материальные блага определяет направление усилий. Познавательное отношение к миру, сформировавшее теоретическую установку как базовую ценность европейской культуры, все более отступает под натиском утилитарного отношения к познанию как со стороны общества, так и со стороны самих участников научного процесса. Ценность знания отождествляется с его практической применимостью, когда на передний план в оценке перспективности научного поиска и соответственно его финансовой поддержки выступает возможность его быстрого использования, а не его познавательный потенциал. Воля к истине как «последнее аргюи» всякой науки (Г.Риккерт), понимание теории как «оберегающего внимания к истине» (М.Хайдеггер) все больше заслоняется и вытесняется проективно-конструктивной, технологической деятельностью, направляемой прагматическими понятиями пользы и эффективности.

Такая ситуация в науке способствует возникновению диссонанса между «революцией в эпистемологии» и теми философскими выводами, которые из этого делаются. С одной стороны – бум когнитивных наук, с разных сторон исследующих сознание и познание, проникновение конкретно-научных исследований в область, традиционно близкую эпистемологии. Но когда близость осознается как тождественность, возникает соблазн необоснованного и часто неотрефлексированного переноса данных и методов науки в область философии и эпистемологии. На основе конкретных и частных знаний делаются универсальные философские утверждения. В сущности, это старая болезнь позитивизма. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда на фоне углубления в исследование познавательного процесса рождаются сомнения в познаваемости мира, в способности науки постигать объективную реальность. Само прогрессирующее развитие знания, возникновение новых теорий и концепций воспринимается как основание для отказа от понятия истины. Такие выводы характерны для радикального конструктивизма, социальный конструкционизм в более мягкой и завуалированной манере в сущности тоже приходит к этому. Очевидно, что в основе такого отказа лежит понимание

истины как окончательной и неизменной, т. е. абсолютной. В эволюционной эпистемологии познаваемость мира признается, хотя бы и как принцип «гипотетического реализма», но само познание понимается не как теоретическое освоение субъектом реальности, а как форма жизни, как взаимодействие организма и среды, а не субъекта и объекта. При таком понимании вполне оправданно заменить понятие истины чем-то вроде «соответствия среде» или «эволюционного преимущества». В социальной эпистемологии мы видим другой способ отказа от когнитивной функции науки: познание заменяется коммуникацией, а истина – смыслом. Не отрицая важности и плодотворности разных подходов к исследованию сознания и познания, все же нельзя за деревьями не видеть леса, а за конкретно-научными подходами терять философское видение проблем познания. В данном случае речь идет прежде всего о проблеме истины, рассматриваемой как концентрированное выражение цели научного познания.

Понимание цели науки как познания истины приобретает все более декларативный характер, все более вытесняется и заменяется понятиями пользы и эффективности, пригодности и соответствия. Сама по себе такая «специализация» в определенных пределах необходима и оправдана. Но она не может заменить философского осмысления науки, без которого разум теряет свою критическую напряженность: способность постигать основания и границы своего опыта, отделять сущее от должного, видеть в существующем потенции иного существования, т. е. выходить за пределы данного в мир умопостигаемый. Иначе говоря, он перестает быть путем к истине.

Популярное в последнее время конструктивистское направление рассматривает знание как конституирующий элемент в структуре социальной реальности. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира социального субъекта, а не объяснения объективной онтологии бытия. Тогда на первый план выступают иные социальные функции и обусловленные ими характеристики знания, чем в структуре познавательной деятельности. При таком понимании действительно неуместно ставить вопрос о его истинности, поскольку критериями служат уже не доказательство, проверка, обоснование, а доверие, пригодность, приемлемость и т. п. В структуре познавательной деятельности знание, сохраняя все

черты социальности (включенность в конкретную социокультурную реальность с присущей ей культурной традицией, конструктивность, понимаемую как выражение активности человеческого сознания, ситуативность, историчность) все же к ней не сводится. Познавательная деятельность, развившись в особый тип отношения к миру, нацелена на выработку знания «об объекте», и потому ориентирована на идеалы объективности, истинности, проверяемости, согласованности, общезначимости и т. д. Этим знание в структуре познавательной деятельности отличается от знания как элемента повседневности. Но так же, как знание об объекте не возникает в безвоздушном пространстве, вне социума, вне культуры, так и социальная жизнь, при всем её своеобразии, не может протекать вне природы, не испытывая сопротивления объективного мира. Поэтому разрыв этих двух сфер реальности носит относительный характер и преодолевается на философском уровне осмысления бытия. Когда же философские вопросы рассматриваются в пространстве конкретно-научного исследования нередко могут открыться новые и неожиданные ракурсы, но при этом возможна и односторонность, и абсолютизация этой односторонности. Философские притязания конструктивистов понятны, ибо очень уж «философски нагружена» область их интересов. Но особенно эпатажные манифесты конструктивистов, вроде «эпистемологического солипсизма» лучше принимать *cum grano salis*.

Утверждение о недопустимости для эпистемологии отказа от истины как цели познания обусловлено прежде всего возрастающим влиянием науки на жизнь общества и как следствие этого – рост моральной ответственности «человека познающего». Понимание конструктивного характера познавательной деятельности не снимает и не отменяет проблему согласования научного творчества с истинной реальностью. Сколь бы творческой ни была научная деятельность – это все же не область самовыражения личности, что и отличает её от искусства и литературы, например. Можно, конечно, рассматривать науку как дискурс наряду с другими дискурсами, можно изучать научные теории как образцы риторики, когда целью теории является не исследование, а убеждение. Все эти моменты, сближающие науку с иными типами деятельности и способами отношения к миру, ей безусловно присущи, но это составляет ее «вторичные признаки» и не определяют ее специфику,

социальную задачу и место в культуре. Как бы ни иронизировали над понятиями «истины» и «объективности», без знания, выражаемого посредством подобных категорий, наука просто перестанет существовать. Для европейской культуры с её культом науки и рационального познания это означает крушение одного из оснований, на которых она стоит. Но без внесения в понимание познания этического смысла может перестать существовать и сама европейская культура вместе с порожденной ею, и в свою очередь сформировавшей её, современной цивилизацией.

Проблема взаимосвязи эпистемологии и этики существовала на всем протяжении исторического пути философии. Противостояние блага и истины, разума и свободы, познания и творчества постоянно присутствует в философских спорах о природе и смысле знания. В истории философии со времен античности эти два подхода к знанию – аксиологический и гносеологический – существовали параллельно. Как отмечает А.П.Огурцов, «центральной вектором истории всей западноевропейской философии было расхождение между теоретической философией, ориентирующейся на понятие Истины, и практической философией, ориентирующейся на понятие Блага... Хотя и в том и в другом случае речь идет о знании... начиная с античной философии эти виды знания не просто дифференцируются друг от друга, но и все более и более отдаляются друг от друга, замыкаясь внутри собственной области и в рамках своих особых регулятивов, норм и идеалов»¹. Задача сочетания в единой системе разнонаправленных дискурсов и лежащих в их основе ценностей никогда не была простой. Но такие попытки периодически предпринимались в истории философии, и наиболее интересной и значимой для современности может оказаться наиболее ранняя из них, осуществленная Сократом и Платоном. Для современной цивилизации, явно обнаруживающей свой катастрофический характер с повторяющимися и усиливающимися кризисами и катаклизмами, открывающей перед человечеством пропасть небытия, эта задача стала не просто актуальной, но насущной по «жизненным показателям». Теоретический и практический модусы бытия уже не могут существовать изолированно, поскольку их согласование стало условием сохранения природы и человека как её части. Эпистемология как философское осмысление знания, должна внести свой вклад в решение этой проблемы.

Важнейшей задачей эпистемологии всегда было обоснование ценности и смысла познания, и прежде всего научного знания. В сознании современного общества на первый план выступают прикладные задачи и достижения науки. Но помимо этого научное познание всегда выполняло и свою собственную культурную миссию. История философии и науки показывает, что наука существует не только ради развития техники, что у неё есть и иное предназначение. Не пора ли вспомнить о миссии теоретического исследования, выполняемого наукой со времен античности, – служить средством познания истины, осмысления человеком мира и себя в мире? Неужели современный человек утратил способность созерцания, незаинтересованного, т. е. лишённого внешнего, практического интереса познания? Думаю, что в наше время, как и тогда, ценность науки состоит и в том, что она создает тип человека, который дорожит истиной ради неё самой.

Одной из основных причин попыток устранения понятия истины является стирание различий между «чистой», фундаментальной и прикладной наукой. Для последней действительно понятие истины не является релевантным. О различии в отношении к истине чистой и прикладной науки, между поисками знания и поисками полезных или эффективных инструментов, в свое время писал К.Поппер: «Это различие как раз и состоит в том, что в своих поисках знания мы стремимся найти истинные теории или по крайней мере такие теории, которые ближе к истине, чем другие теории, иначе говоря, которые лучше соответствуют фактам, в то время как в поисках эффективных инструментов мы во многих случаях используем теории, ложность которых известна»². Именно эта допустимость ложных, но полезных для определенных целей концепций, делает проблему истины не только гносеологической, но и этической. Отказаться от истины как идеала науки значит оправдывать ложь во всех сферах человеческой деятельности. Существование различных концепций истины в данном случае можно оставить в стороне, т. к. в них рассматриваются больше вопросы о критериях, чем о философском и эпистемологическом значении этого понятия. Для нас здесь важна сама *идея истины*. А она состоит прежде всего в уважении к *реальности* (а не к авторитету, личному пристрастию, интересу, пользе и т. д.), в признании того, что ученый исследует реальность с целью получения

знания о мире, а не занимается анализом собственного сознания или построением какого-либо мифа, литературного текста или художественного образа.

К отказу от истины как конститутивного принципа науки вел длительный процесс эволюции эпистемологии. Исходной была проблема эмпирического обоснования знания, а до этого – проблема получения достоверного знания. Именно в ходе критической рефлексии в эпистемологии появились и такие трактовки науки, где предлагалось устранить проблему истины. Очень упрощая и огрубляя перипетии самокритики науки, можно увидеть, как к вытеснению понятия истины приводит не только указанное выше смешение чистой и прикладной науки, но и осмысление взаимосвязи и взаимозависимости всех элементов познавательного процесса, как действующих внутри науки, так и в околонуучной среде и в культуре в целом. Одним из возможных, но совсем не неизбежных следствий этого стало поэтапное стирание различий между компонентами внутри научного знания: фактами и концептами, теорией и эмпирией. В результате сформировалась «холистская» модель науки, где все её элементы зависят друг от друга и детерминированы друг другом. На этом основании был сделан вывод о том, что нет критериев выбора истинной или более адекватной теории из множества существующих, поскольку получается, что скорее реальность зависит от теории, чем теория от реальности³. Но если не существует способа сопоставления теории с объективной реальностью, то естественно исчезает и проблема истины.

Следующим шагом на этом пути было исследование социокультурной детерминации научного знания, зависимости *содержания* знания от конкретно-исторического контекста его получения, распространения, применения и т. д. Если постпозитивисты говорили о «теоретической нагруженности» фактов науки, то наиболее радикальные сторонники «социальной» философии науки считают, что всякое знание «социально нагружено» и целиком определяется социокультурными условиями, поэтому никакой объективной истины в нем быть не может. Т.Кун в своей знаменитой книге «Структура научных революций» вообще обошелся без упоминания понятия «истина» (кроме нескольких случаев, когда объяснял отсутствие этого слова в его тексте), показывая тем самым его полную необязательность для понимания природы

науки. Главный его довод состоял в том, что наука развивается не к чему-то, что можно назвать истиной, понимаемой им как объективное и абсолютное знание, а *от* чего-то, что он назвал проблемами и головоломками, в разрешении которых и состоит цель научного познания. При таком понимании цели науки происходит смешение различных способов объяснения механизма развития и прогресса науки с пониманием её природы как феномена человеческого сознания и деятельности⁴. Еще дальше по этому пути пошли наиболее радикально настроенные сторонники социологии знания. Социальная *обусловленность* познания была истолкована ими как его социальная *детерминация*, что послужило основанием для заявлений о замене эпистемологии, «оккупированной философами», социологией⁵. В итоге вопросы: «является ли истина целью науки» и близкий к этому вопрос «обладает ли научное знание объективностью» получают отрицательный ответ. В конце концов научное знание лишается каких-либо эпистемологических признаков и преимуществ перед всеми иными формами воспроизведения мира в сознании: мифотворчеством, литературой, искусством, вымыслом, легендой, обманом и т. д. Вот уж действительно прямо по-нашему, по постмодернистски: «пересекайте границы, засыпайте рвы»⁶.

Отказ от истины, как уже было сказано ранее, многие мотивируют тем, что наука никогда не дает и не может дать полного и адекватного знания о мире. Но стремление к истине и обладание ею – не одно и то же. Стремление к истине является конститутивным, движущим принципом науки, тогда как претензии на обладание абсолютной истиной несовместимо с научным поиском и чревато догматизмом, препятствующим поступательному движению к новому знанию. Критический дух науки противоречит признанию любого достигнутого знания «абсолютной истиной», поскольку идеалы по природе своей хотя и существуют, но не наличествуют. Можно сказать и более категорично – истина существует в стремлении к ней. Это предполагает единство познавательного и ценностного отношения к действительности, когда она признается как нечто цельное и самоценное.

Без истины как «телоса» (в том значении, какое ему придавал Гуссерль) наука в её классическом, идущем от античности понимании, просто немыслима. Телос указывает на цель как идеал, а

не как «пункт прибытия», на то, что, не являясь «гарантированной целью», требует героических усилий. В данном случае различия между типами и этапами науки (классический, неклассический, постнеклассический и т. п.) несущественны, т. к. речь идет о феномене, представляющем собой нечто несравнимо большее, чем локальное образование. Суть научного познания Аристотель определил в самом начале первой главы своей «Физики» словами, ставшими известным и повсеместно цитируемым афоризмом: «от более понятного и явного для нас к более явному и понятному по природе»⁷. Как бы мы ни конструировали и моделировали, какие бы образцы ни использовали, в науке это делается лишь для того, чтобы познавать то, что существует вне сознания познающего субъекта. Признание истины как идеала или регулятивной идеи науки и означает направленность познания на реальность, а не на создание иллюзий или мифов. Значение приоритета реальности как центральной познавательной установки всесторонне рассматривал в своих работах по проблеме рациональности В.С.Швырев. В этом он видел специфику науки как *теоретического* отношения к действительности, определяющего эпистемический долг ученого и его моральную ответственность. «Не пытаюсь подменить и вытеснить другие формы отношения к миру, – писал он, – рациональное сознание и в наше время выступает в качестве необходимой культурной ценности, призванной способствовать внутренней самодисциплине и ответственности поведения человека перед лицом объемлющей его реальности»⁸.

Причиной отказа от истины, трактуемой как недостижимая цель, часто является неверное представление о понятиях «цели» и «идеала». Когда мы говорим об истине как цели науки, то здесь «цель» понимается как сверхценная цель, т. е. идеал. Понятие «цель» имеет своим коррелятом понятие «средства», в то время как понятие «идеал» соотносится с понятием «реальность» или «действительность», а также с понятиями «сущее» и «должное». Идеал возможно трактовать как цель, но только как цель абсолютную, как цель, которая всегда впереди. Абсолютная цель принципиально не достижима потому, что она, как абсолютная цель, никогда не может быть средством, в то время как в иных случаях достижение цели превращает ее в фактор или средство дальнейшей деятельности. Идеал, будучи масштабом оценки и вектором, ориентиром

движения, сам не может быть целью, понимаемой как конечный результат деятельности. Несмотря на кажущуюся близость понятий цели и идеала, между ними существует принципиальное различие. В содержании понятия «цель» можно выделить по крайней мере три составляющих: собственно цель как искомый результат, желательность этого результата, его значимость для нас, т. е. ценность и то, что придает значение нашей деятельности, т. е. смысл. Понятие идеала по своему содержанию частично совпадает с понятием цели, но включает в себя лишь две последние характеристики. Отказ же от истины как от недостижимой цели основан как раз на отождествлении идеала и цели по первой из приведенных характеристике.

Стремление к истине дает энергию научному поиску. Отказ от познавательной доминанты в науке свидетельствует о глубоко деструктивных процессах, об утери смысла научной деятельности. В эпистемологии истина – идеал научного знания, определяющий направление движения мысли. В онтологии – синоним бытия, подлинной реальности, того, что уже существует до всякого познания. Признание существования истины и стремление к её познанию влияет на характер, интересы, позицию людей и тем самым формирует внутренний мир человека. Тогда истина становится моральной, экзистенциальной, а не только гносеологической ценностью.

Отказ от истины как идеала и цели науки имеет своим неизбежным следствием релятивизм, который заключает в себе не только эпистемологический смысл, но и важные этические следствия: эпистемологический релятивизм служит теоретическим обоснованием релятивизма этического. Некоторые сторонники релятивистски ориентированных концепций науки предлагают заменить понятие истины понятием смысла. Но парадокс состоит в том, что наука, лишённая истины, сразу же теряет и смысл, т. е. обесмысливается. Эту связь осмысленности и релятивизма ясно выразил в своей давней статье «Истина и ценности» Г.С.Батищев: «Привязывание исключительно к условиям, релятивизация всегда обесмысливает, ибо прерывает смысловые нити, разрушает пространственно-временные инварианты и продлеваемость, экстраполируемость взаимодействий, гасит возможные аналогичные или созвучные “эхо”, нарушает или пресекает узы со-причастного бытия. Релятивация создает смысловую пустоту, обрекает на тщет-

ность всякое серьезное усилие, всякое жизненаполнение и жизне-созидание, вырывающееся за пределы обреченной суеты и гонки за ситуациями-мгновениями и чуждое скольжению по гедонистической плоскости самоудовлетворенности; релятивизированное бытие – это бытие, лишённое надежды на ненапрасность равно и обретений, и страданий, это – безнадежно самозамкнутое, замурованное в себе самом, отрешённое от понятности остальным универсумом и от понимания этого остального универсума, следовательно, также и от своего призвания по отношению к нему как миру бесчисленных других – Вселенной»⁹.

Единство эпистемологии и этики проявляется уже в том, что проблема истины для науки соответствует проблеме совести для этики: оба понятия указывают на такие категории человеческой деятельности, как долг, ответственность и свобода – в познании (науке) и жизни. Поэтому эпистемический акт познания, осознанно ориентирующийся на поиск истины, является одновременно и этическим. В нем реализуется и уважение к исследуемому объекту, и исполнение своего эпистемического долга. А где действует категория долга, там неизбежно и обращение к совести. О познании как долге прекрасно высказался Г.Башляр в своем докладе на международной конференции по проблемам науки в 1952 г.: «Пока мы не признаем, что в глубинах человеческой души присутствует стремление к познанию, понимаемому как долг, мы всегда будем склонны растворять это стремление в ницшеанской воле к власти. И следовательно, по-прежнему будем обвинять науку во всех грехах, истоки которых, конечно же, не в стремлении к познанию как таковому, но в стремлении ко злу и в желании прибегнуть к оружию»¹⁰. Через долг, совесть и ответственность рациональность соединяется с нравственностью, а эпистемология – с этикой. Современный кризис науки обусловлен, с одной стороны, отречением от идеала истины¹¹, а с другой – как следствие этого – от ответственности перед обществом. Если ученый отрекается от объективности производимого знания и от своей субъективности как носителя нравственного сознания он действительно становится опасным для общества.

О роли совести в познании как путевода к истине много думал и писал физиолог, академик, автор учения о доминанте А.А.Ухтомский, видевший в ней средство отыскания истины и

следования за ней и определявший её как «дальновиднейший из органов сообщения с миром»¹². В наше время эта проблема серьезно волновала академика Н.Н.Моисеева, также посвятившего ряд работ, особенно в последний период своей деятельности, роли этического начала в науке. Примечательно то, что исходный пункт размышлений А.А.Ухтомского и конечный вывод исканий Н.Н.Моисеева совпали. Как и А.А.Ухтомский, Н.Н.Моисеев пришел к выводу, что выход из кризиса надо искать на пути следования христианским заповедям. Осознавая необходимость поиска новых путей и принципов, изменения ценностной ориентации для спасения цивилизации, он искал такие идеи в истории человечества и пришел к заключению, что «высшим достижением в представлениях о нравственном облике человека, отвечающим насущным потребностям современной экологической ситуации, были взгляды раннего христианства, еще не обремененного конфессиональной иерархией и близостью к сильным мира сего. Принципы Нового Завета были сформулированы, может быть, самым умным (точнее, мудрым) человеком, когда-либо жившим на Земле, – Иисусом Христом. Именно в мудрости этих заветов я вижу основной довод в пользу реальности его существования: мифом могло быть все что угодно, кроме глубины понимания судеб человека, его возможного будущего»¹³. В том, как их осознать, по-настоящему включить в общественное сознание и превратить в основу повседневной практики он видел «основную проблему, стоящую перед современным человечеством»¹⁴.

Подводя итог рассмотрению взаимосвязи эпистемических и этических сторон научного познания, отметим еще раз, что, отказываясь от истины как своего гносеологического призвания, долга и обязанности, наука теряет как свою гносеологическую, так и этическую ценность. Для определения вектора развития эпистемологии особую значимость приобретает уже не столько эпистемологический, сколько философский вопрос, касающийся судьбы науки в современном мире и вклада эпистемологии в осмысление этого вопроса. Как пишет В.А.Лекторский, «мы вступаем в “цивилизацию знаний”», в которой наука играет исключительную роль. Судьба человека неотъемлема от будущего науки и от возможности (или невозможности) научно-технического освоения мира, что особенно стало ясно в связи с развитием современных информационных

технологий. В этой связи возникает множество острых не только эпистемологических, но и этических, социальных и культурологических проблем»¹⁵. Для современной эпистемологии как *философского* осмысления научного познания и знания все более важными становятся этические вопросы о добре и зле, о познании как долге и ответственности, о свободе творчества и необходимости осознания его границ. Одним из актуальных направлений становится этический подход к проблемам эпистемологии, и прежде всего выявление этического смысла современных эпистемологических концепций. Нравственное измерение актуально как в политике, так и в науке, потому что это прежде всего *человеческое* измерение. И поскольку для постнеклассической науки принципиально важен фактор её человекообразности, эпистемология уже не может не включать в сферу своих интересов этическое и аксиологическое измерение. Как мы пытались показать, без признания истины как стимула и средоточия научного исследования мира наука не может претендовать на социальное признание в качестве важнейшей компоненты современной культуры. Именно благодаря своей познавательной доминанте, выражающейся в стремлении к истине, наука выполняет присущую ей функцию в культуре, и философская задача эпистемологии – в соединении и гармонизации ценностей науки с этическими и экзистенциальными ориентирами человека.

Примечания

- ¹ Огурцов А.П. Благо и истина: линии расхождения и схождения // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998. С. 6.
- ² Поннер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 341.
- ³ Аргументированную критику этих концепций см.: Мамчур Е.А. Как возможна независимая экспериментальная проверка теории // Философия науки. Вып. 4. М., 1998.
- ⁴ Примечательно то, что при оценке своей собственной концепции он все же вспомнил об «истине», причем в самом что ни на есть её классическом понимании: «Например, мы будем, видимо, недалеко от истины, если скажем, что науки (по крайней мере перейдя определенную точку в своем развитии) развиваются не таким образом, как любая другая область культуры (что бы мы ни думали о самом понятии развития). Одной из целей книги было рассмотрение таких различий и попытка объяснить их» (Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 263).

- ⁵ См.: *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания // *Логос.* 2002. № 5–6(35).
- ⁶ Имеется в виду название известной статьи Лесли Фидлера «Пересекайте рвы, засыпайте границы» (*Современная западная культурология: самоубийство дискурса.* М., 1993).
- ⁷ Приведем полностью цитату, с которой начинается «Физика» Аристотеля: «Так как знание, и [в том числе] научное познание, возникает при всех исследованиях, которые простираются на начала, причины и элементы, путем их уяснения (ведь мы тогда уверены, что знаем ту или иную вещь, когда уясняем ее первые причины, первые начала и разлагаем ее вплоть до элементов), то ясно, что и в науке о природе надо попытаться определить прежде всего то, что относится к началам. Естественный путь к этому ведет от более понятного и явного для нас к более явному и понятному по природе: ведь не одно и то же понятное для нас и [понятное] вообще» (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1968. С. 61).
- ⁸ *Швырев В.С.* Рациональность в современной культуре // *Общественные науки и современность.* 1997. № 1. С. 115.
- ⁹ *Батищев Г.С.* Истина и ценности // *Познание в социальном контексте.* М., 1994. С. 63.
- ¹⁰ *Баиляр Г.* Научное призвание и душа человека // *Баиляр Г.* Новый рационализм. М., 1987. С. 328.
- ¹¹ О связи утраты интереса к истине и кризиса науки К.Ясперс писал еще в 1931 г. в работе «Духовная ситуация времени»: «Исконное желание знать, которое единственно предотвратило бы кризис науки, – свойство отдельного человека и осуществляется им на свой страх и риск. Теперь, правда, считается невероятным, если человек посвящает свою жизнь научному исследованию... Кризис науки – это кризис людей, который охватил их, когда они утратили подлинность безусловного желания знать» (*Он же.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 372).
- ¹² Цит. по: *Каликанов С.В.* Образ науки в контексте философских идей А.А.Ухтомского // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия.* 2003. № 1.
- ¹³ *Моисеев Н.* Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // *Общественные науки и современность.* 1994. № 6. С. 136.
- ¹⁴ Там же. С. 138.
- ¹⁵ О настоящем и будущем (размышления о философии). Беседа Б.И.Пружинина с В.А.Лекторским // *Вопр. философии.* 2007. № 1. С. 6–7.

References (transliteration)

- Aristotel'.* Soch. v 4-h t. T.3. Fizika. M., 1981.
- Lektorskiy V.A.* Filosofija, obshhestvo znaniya i perspektivy cheloveka // *Voprosy filosofii.* № 8. 2010.
- Ogurcov A.P.* Blago i istina: linii rashozhdeniya i shozhdeniya // *Blago i istina: klassicheskie i neklassicheskie reguljativy.* M., 1998.

-
- Popper K.* Logika i rost nauchnogo znanija. M., 1983.
- Mamchur E.A.* Kak vozmozhna nezavisimaja jeksperimental'naja proverka teorii // *Filosofija nauki*. Vyp. 4. M., 1998.
- Kun T.* Struktura nauchnyh revoljucij. M., 1975.
- Blur D.* Sil'naja programma v sociologii znanija // *Logos*. № 5–6 (35). 2002.
- Shvyrev V.S.* Racional'nost' v sovremennoj kul'ture. // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 1. 1997.
- Bashljar G.* Novyj racionalizm. M., 1987.
- Moiseev N.N.* Nravstvennost' i fenomen jevoljucii. Jekologicheskij imperativ i jetika XXI veka // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1994. № 6.
- O nastojashhem i budushhem (razmyshlenija o filosofii). Beseda B. I. Pruzhinina s V.A.Lektorskim // *Voprosy filosofii* № 1. 2007.